

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА WORLD ECONOMY

Оригинальная статья/ Original article

Суверенитет как выход из коллективной тревоги: дискурс ЕС о деньгах, здоровье и продовольствии¹

© Т.А. РОМАНОВА, Г.В. КОЦУР

Романова Татьяна Алексеевна, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), t.romanova@spbu.ru. ORCID: 0000-0002-5199-0003

Коцур Глеб Владиславович, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), gלבk17@gmail.com. ORCID: 0000-0003-4079-264X

Европейский союз развивался как актор, который преодолевает национальный суверенитет. Однако с 2017 г. ЕС стал использовать понятие «суверенитет» на наднациональном уровне, причем как в общем смысле, так и в сочетании с «секторальными» прилагательными. Цель исследования – продемонстрировать, что употребление данного понятия применительно к «секторам» деятельности ЕС продиктовано мерами ЕС по снижению или преодолению коллективной тревоги, вызванной различными проблемами, которые сложно контролировать. Тревога рассмотрена в контексте эмоциональной культуры с фокусом на публичных образцах чувствования, а включение суверенитета в дискурс ЕС – как «идентификация с агрессором», которая ранее считалась угрозой для интеграции. Суверенитет в дискурсе ЕС означает комплекс действий по выявлению границы между внутренним и внешним, а также по обеспечению некоторой степени автономии. С помощью дискурс-анализа исследованы три кейса: вызовы технологических компаний и монетарный суверенитет; угроза пандемии и суверенитет в области здравоохранения; проблемы в глобальной торговле аграрными товарами и продовольственный суверенитет. В каждом случае выделены элементы тревоги, выявлен дискурс о суверенитете как способ работы с тревогой с целью ее преодоления, а также показано, насколько такие действия поддерживают различные игроки в ЕС. Сделан вывод о том, что ЕС относительно успешно использует «секторальный» суверенитет. Однако включение «секторального» суверенитета в дискурс и практику ЕС не приводит к полному преодолению тревоги: между ней и суверенитетом формируются устойчивые диалектические отношения.

¹ Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00682 (<https://rscf.ru/project/22-28-00682/>).

Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation (RSF) grant (project No 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>).

Ключевые слова: суверенитет, эмоции, тревога, Европейский союз, цифровые валюты, пандемия, продовольственная проблема

Цитирование: Романова Т.А., Коцур Г.В. (2023) Суверенитет как выход из коллективной тревоги: дискурс ЕС о деньгах, здоровье и продовольствии // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 68–80. DOI: 10.31857/S0869049923040056, EDN: OXYQSR.

Sovereignty as a Way Out of Collective Anxiety: The EU's Discourse on Money, Health, and Food

© T. ROMANOVA, G. KOTSUR

Tatiana A. Romanova, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), t.romanova@spbu.ru. ORCID: 0000-0002-5199-0003

Gleb V. Kotsur, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), gלבk17@gmail.com. ORCID: 0000-0003-4079-264X

Abstract. The European Union (EU) has developed as an actor that overcomes national sovereignty in global politics. Yet, as of 2017, the EU has used the “sovereignty” category at the supranational level, both in general and in combination with “sectoral” adjectives. The objective of research is to demonstrate that the use of “sectoral sovereignty” can be examined as the EU’s work with collective anxiety, which results from various challenges that can hardly be controlled. The anxiety is examined in the context of emotion culture with the focus on public images of sentiments whereas the incorporation of sovereignty in the EU’s discourse comes out as a “self-identification with an aggressor” – with something that has previously been viewed as a threat to integration. In the EU’s discourse “sovereignty” means a set of actions targeted at drawing a border between the internal and the external, at establishing higher autonomy. Three cases are examined with the help of discourse analysis: challenge of technological companies and monetary sovereignty; pandemic threat and health sovereignty; problems in global agricultural trade and food sovereignty. In each case elements of the EU’s collective anxiety are described; sovereignty as a system of actions to address anxiety is identified; the overall support for this work in the EU is revealed. The conclusions are drawn on when and where “sectoral” sovereignty helps the EU to limit its anxiety. Yet, the successful incorporation of sovereignty in the EU’s discourse does not mean a complete overcoming of anxiety; instead, dialectic relations between collective anxiety and sovereignty emerge.

Keywords: sovereignty, emotions, anxiety, European Union, digital currency, pandemic, food problem

Citation: Romanova T., Kotsur G. (2023) Sovereignty as a Way Out of Collective Anxiety: The EU’s Discourse on Money, Health, and Food. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 68–80. DOI: 10.31857/S0869049923040056, EDN: OXYQSR.

Понятие «суверенитет» традиционно связывают с государством. Европейский союз обычно рассматривают как постсуверенного [Maccormick 1999] или позднесуверенного [Walker 2003] актора, который преодолевает национальные барьеры и демонстрирует, что процветание и развитие возможны вне суверенитета. Более того, попытки его стран-членов апеллировать к национальному суверенитету в прошлом воспринимались как угроза коммунитарному строительству (брекзит стал экстремальным подтверждением такой угрозы). Идеологически ЕС поощрял и подкреплял взаимозависимость, тогда как суверенитет он отождествлял с «темным прошлым».

Однако в последнее время сам Союз стал прибегать к понятию «суверенитет». С одной стороны, его представители формулируют общие понятия «стратегический суверенитет» или «европейский суверенитет» [Романова 2021], а с другой, – активно сочетают его с «сек-

торальными» прилагательными. Так появились, например, суверенитет в области здравоохранения (health sovereignty), технологический суверенитет (technological sovereignty), цифровой суверенитет (digital sovereignty), энергетический суверенитет (energy sovereignty), зеленый суверенитет (green sovereignty), продовольственный суверенитет (food sovereignty), суверенитет в области удобрений (sovereignty over fertilisers), монетарный суверенитет (monetary sovereignty), суверенитет в области космоса (space sovereignty).

Цель исследования – продемонстрировать, что ЕС применяет «секторальный» суверенитет для работы с коллективной тревогой. Используя данное понятие в своем дискурсе, ЕС обосновывает комплекс действий, включающий укрепление границ между территорией ЕС и другими государствами, разделение на внутреннее (свое, контролируемое) и внешнее (другое, враждебное) пространство, повышение автономности от мира. В результате ЕС переходит от преодоления суверенитета на национальном уровне к его принятию на уровне наднациональном: он идентифицируется с феноменом, который ранее воспринимался в качестве антипода европейской интеграции, в качестве своего рода «агрессора» в отношении европейского проекта. В то же время встраивание концепции «секторальных» суверенитетов в общий политический дискурс ЕС зависит от того, насколько игроки внутри Союза разделяют тревогу в отношении проблем и рисков, а суверенитет как ответ на нее, а не от степени интеграции соответствующей сферы деятельности.

Вначале будет сформулирована теоретико-методологическая основа работы. Затем последовательно будут рассмотрены три кейса в областях монетарной политики, здравоохранения и продовольствия. Выбор обоснован, прежде всего, стремлением протестировать гипотезу на примере разных угроз. Кроме того, кейсы различаются между собой по интенсивности и широте использования языка суверенитета. Три выбранных случая также отличаются по разделению компетенций внутри ЕС. В заключении будут обобщены результаты и намечены перспективы дальнейших исследований.

Исследование эмоций и суверенитета: от теории к практике

Данное исследование базируется на конструктивистской трактовке эмоций. В отличие от «биологического универсализма»², подобный подход предполагает, что эмоции людей радикально отличаются во времени и пространстве, что можно объяснить лишь культурной обусловленностью моделей чувствования [Плампер 2018, 122–186]. В данном контексте эмоциональная культура – это «комплекс стандартизированной эмоциональной лексики, норм и верований относительно отдельных эмоциональных выражений, которые способствуют культурному конструированию власти, сообщества и идентичности» [Koschut 2017, 179]. Эмоциональные культуры существуют за счет устойчивой связи между типами ситуаций и публичными образцами чувствования. Значительная часть эмоций носит долгосрочный характер [Collins 2004, 106], что особенно важно для социальных структур. Когда эмоции приобретают респектабельный статус рациональных утверждений или здравого смысла, происходит институционализация: их перестают воспринимать через призму временности и поверхностности [Crawford 2014].

² Сегодня в исследовании эмоций доминируют две парадигмы: биологический универсализм и культурный детерминизм. Первая предполагает, что эмоции одинаковы у всех людей, потому что они связаны с универсальной физиологией человеческого тела. Вторая подчеркивает плюральность эмоционального опыта индивидов. Биологический универсализм доминировал в социальных исследованиях эмоций до 1980-х гг., когда антропологи продемонстрировали, что эмоциональный опыт локальных сообществ нельзя свести к западным эмоциональным стандартам. Данный феномен можно объяснить лишь разностью культур и культурной детерминацией эмоциональной жизни. Сегодня две парадигмы сосуществуют на равных, а исследователи вольны выбирать любую из них.

Тревога – черта индивидуального сознания, однако коллективная тревога встречается не реже. Вызывают ее прежде всего общественные факторы. Американские психологи П. Сильверс, С. Лиллиенфельд и Дж. Лапрайри, обобщив разнообразные исследования тревоги, определили ее как устойчивое состояние гипертвуждения, которое проявляется в форме опасений чего-то плохого в будущем, повышенной бдительности и навязчивых мыслей болезненного характера [Sylvers, Lilienfeld, LaPrairie 2011; 128].

Методологически статья сфокусирована на публичных образцах чувствования, которые отсылают к устойчивым общественным представлениям о том, что необходимо ощущать в той или иной ситуации [Geertz 1973, 82; Zorun 2016]. Такие образцы интересобъективны: их поддерживает усвоение, переработка и воспроизведение большим количеством людей. Иными словами, затронут аспект коллективных (а не индивидуальных) репрезентаций эмоций. Тем не менее, речь не идет об антропоморфизации ЕС в стиле А. Вендта [Wendt 2004]; рассмотрена коллективная тревога, которую чувствуют сообщества людей.

Также важно изучить способ адаптации к тревоге. Работы классиков психоанализа стали частью междисциплинарного базиса исследований эмоций [Пламнер 2018, 315–326], в т. ч. их применяют в политологии и науке о международных отношениях [Jacobsen 2013]. Соответственно, заимствование психоаналитических теорий и концепций методологически обосновано. Британский психолог А. Фрейд [Freud 1993] и венгерский психоаналитик Ш. Ференци (см. [Frankel 2002]) подчеркивали роль «идентификации с агрессором», которую активирует психика, чтобы сохранить целостность своей структуры. Данный механизм адаптации означает включение отдельных элементов образа угрозы в идентичность.

В случае с ЕС угрозой для интеграции всегда выступал национальный суверенитет: его традиционно воспринимают как опасного «Другого», в противоположность которому развивалась интеграция. Можно предположить, что сейчас функционирует не индивидуальный, а структурный аналог «идентификации с агрессором», но уже на коллективном уровне эмоций. Именно поэтому представители ЕС артикулируют преодоление тревоги через понятие суверенитета, но уже на наднациональном уровне. Возможно, существуют и иные защитные механизмы на уровне коллективных эмоций в ЕС. Однако в данной работе предметом выступает интериоризация внутри идентичности ЕС элементов суверенитета, который ранее воспринимали как угрозу для интеграционного проекта.

Возникновение понятия «суверенитет» обычно связывают с работами французского философа Ж. Бодена [Bodin 1962] и Вестфальским мирным договором. Выделяются две стороны суверенитета. Одна – верховенство власти на определенной территории – стала базой внутренней политики с ее жесткой иерархией на национальном уровне. Другая – независимость от внешних сил – легла в основу современных международных отношений и представляет собой источник равенства международных акторов. Таким образом, суверенитет находится на границе двух пространств: упорядоченного внутреннего и хаотичного внешнего [Bartelson 1995]. Суверенитет в рамках данной работы определен как «место политической борьбы... за закрепление значения» [Weber 1995, 3]. Интенсивные дискуссии о суверенитете, как правило, сигнализируют о наличии проблем [Agnew 2018, 103]. «Пограничность» категории, ее способность делить пространство на внутреннее (контролируемое) и внешнее (источник вызовов), на «свое» и «чужое», имеет особое значение. Согласно гипотезе исследования, стремясь снизить коллективное чувство тревоги, Евросоюз с помощью дискурса о наднациональном суверенитете жестче очерчивает внутреннее, отгораживается от внешнего пространства, повышает уровень автономии от того, что вне его контроля. Артикуляция такой политики позволяет ЕС снизить коллективную тревогу.

В оставшейся части статьи будут проанализированы речевые акты, которые можно считать наиболее обширным источником. Методом выступает дискурс-анализ. Согласно базо-

вым постулатам теории гегемонии Ш. Муфф и Э. Лакло [Laclau, Mouffe 2001], политическое составляет пространство борьбы вокруг интерпретаций, превращения их в часть здравого смысла. Официальные лица обладают привилегированным для артикуляции положением: их речевые акты особо значимы по сравнению с высказываниями и текстами граждан или даже социальных групп. Общая логика дискурс-анализа в данной работе перенесена на исследования эмоций. Изучение чувств отдельных людей – даже в масштабах миллионов – не отразит сущность коллективных эмоций. Ученые получают доступ к ним, рассматривая публичные образцы чувствования, эмоциональные культуры и сообщества. В их работе ключевую роль играют структуры, которые Муфф и Лакло осмысливают как гегемонистские.

Венгерский лингвист З. Ковечеш [Kövecses 2003] продемонстрировал, что прямые экспрессивные артикуляции эмоций встречаются редко – в основном они существуют в форме метафорического выражения. Любая эмоция при этом может быть разложена на элементы [Nussbaum 2016, 17]. В контексте тревоги их четыре: внутреннее смятение; обращенность в будущее; неопределенность и диффузность угрозы; долгосрочный характер [Epstein 1972; MacLeod, Rutherford 1992]. Именно перечисленные признаки будут выделены в каждом из кейсов. Исследование демонстрирует, как они приводят ЕС к дискурсу о «секторальном» суверенитете в качестве механизма преодоления коллективной тревоги.

Монетарный суверенитет

Говоря о монетарном суверенитете, до последнего времени представители ЕС ссылались на национальные прерогативы, которые страны зоны евро соглашались ограничить в связи с участием в единой валюте. Например, в 2015 г. глава Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер отмечал, что «все члены монетарного союза... на постоянной основе делят свои суверенитеты с другими странами зоны евро»³. Ситуация стала меняться в 2018 г., когда начала расти популярность (частных) цифровых валют.

Внутреннее смятение ЕС проявляется, в первую очередь, в сравнении суверенной функции денег с «базовыми потребностями, как вода и электричество»⁴. Лишиться ее – значит поставить под вопрос выживание европейских граждан. Европейский центральный банк (ЕЦБ) отмечает, что в условиях геополитических рисков стратегическую автономию европейских платежей и монетарный суверенитет обеспечивают наличные евро (в случае необходимости все расчеты перейдут на них), тогда как частные цифровые валюты эту возможность ликвидируют⁵. Глубину опасности подчеркивают сделанные в исследованиях ЕЦБ отсылки к «святому граалю» – именно им должна стать обновленная система платежей⁶.

Во-вторых, частные цифровые валюты в дискурсе ЕС связывают с дестабилизацией финансовой системы. Например, представитель ЕЦБ считает, что цифровые валюты «поставят под вопрос финансовую стабильность»⁷. Такая трактовка напоминает о потрясениях финансового кризиса 2008–2012 гг., а также об их социальных и экономических

³ Juncker J.-C., Tusk, D. Dijsselbloem J., Draghi M., Schulz, M. Completing Europe's Economic and Monetary Union. European Commission. 2015. (<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/5presidentsreport.en.pdf>).

⁴ Bindseil U., Pantelopoulos, G. Towards the holy grail of cross-border payments. ECB Working Paper Series. August 2022. No 2693. (<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2693~8d4e580438.en.pdf>).

⁵ The case for a digital euro: key objectives and design considerations. ECB. July 2022. (https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/key_objectives_digital_euro~f11592d6fb.en.pdf).

⁶ Bindseil U., Pantelopoulos G. Op.cit.

⁷ Panetta F. Demystifying wholesale central bank digital currency. ECB. Frankfurt am Main. 26.09.2022. (<https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2022/html/ecb.sp220926~5f9b85685a.en.html>).

последствиях. В-третьих, регулятор предостерегает: частные компании заменят «общественную услугу, которую государства веками предлагали своим гражданам», причем новыми «платежными услугами сможет воспользоваться только избранная группа»⁸, что усиливает опасение за будущее социального мира в ЕС.

Наконец, введение (частных) цифровых валют может ослабить претензии евро на статус глобальной резервной валюты⁹. Именно значимый вес в торговых и валютных потоках сегодня составляет основу международной акторности Евросоюза.

Озабоченность ЕС, очевидно, обращена в будущее: технологический прогресс остановить невозможно. Однако конкретный источник угроз для ЕС идентифицировать сложно. Например, Европейская комиссия сочла рисками «растущую многополярность с новыми центрами экономической силы, институтами и развивающимися технологиями, а также реконфигурацией существующих центров силы»¹⁰. Позже Комиссия конкретизировала угрозу: «в мире, где все больше доминируют цифровые платформы, крупные производители технологий... если их не регулировать должным образом... создадут угрозу монетарному суверенитету»¹¹. Комитет по международным отношениям Европейской системы центральных банков сходным образом описывает угрозы «европейскому суверенитету»: это «иностранные цифровые решения, [которые] могут заместить платежные решения в Европе»¹². Однако угрозы остаются относительно диффузными.

Обеспечение долгосрочной стабильности в Евросоюзе требует в качестве метода этой работы «укрепления экономического и монетарного суверенитета Европы»¹³, или, согласно Совету ЕС, автономии¹⁴, которая достигается за счет более жесткого регулирования глобальных технических компаний и создания цифрового евро. Цифровой аналог валюты «гарантирует, что граждане продолжают доверять монетарному якорю..., защитит стратегическую автономию европейских платежей и монетарный суверенитет»¹⁵.

Таким образом, обеспечение монетарного суверенитета ЕС становится способом работы с коллективной тревогой. То, что ранее представляли в качестве угрозы процессу европейской интеграции снизу – на национальном уровне – начинают осуществлять на наднациональном уровне. В результате четче прорисовываются границы внутреннего

⁸ Panetta, F. The two sides of the (stable)coin. ECB. Frankfurt am Main. 4.11.2020. (<https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2020/html/ecb.sp201104~7908460f0d.en.html>).

⁹ International Relations Committee. The EU's Open Strategic Autonomy from a central banking perspective. Challenges to the monetary policy landscape from a changing geopolitical environment. No 311. ECB. March 2023. (<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op311~5065ff588.c.en.pdf>).

¹⁰ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council and the European Central Bank 'Deepening Europe's Economic and Monetary Union: Taking stock four years after the Five Presidents' Report European Commission's contribution to the Euro Summit on 21 June 2019'. Brussels, 12.06.2019. COM/2019/279 final.

¹¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions 'On a Retail Payments Strategy for the EU. Brussels. 24.9.2020. COM/2020/592 final.

¹² International Relations Committee. Op.cit.

¹³ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council and the European Central Bank. Op.cit. См. также Draft Joint Statement on asset-backed crypto-assets (so called "Stablecoins"). Politico. 11.09.2020. (https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2020/09/Draft-statement-on-stablecoins_final1.pdf). Valero J. Big euro economies push for strong cryptocurrency rules. Euarctiv. 11.09.2020. (<https://www.euarctiv.com/section/economy-jobs/news/big-euro-economies-push-for-strong-cryptocurrency-rules/>).

¹⁴ Council Conclusions on the EU's economic and financial strategic autonomy: one year after the Commission's Communication. Brussels. 29 March 2022. 6301/22.

¹⁵ Lagarde C., Panetta F. Key objectives of the digital euro. The ECB Blog. 13.07.2022. (<https://www.ecb.europa.eu/press/blog/date/2022/html/ecb.blog220713~34e21c3240.en.html>).

пространства, ЕС огораживает «свой сад»¹⁶ от внешних вызовов. Такой вариант работы с коллективной тревогой поддерживали и страны-члены, и коммунитарные институты. Движение по избранной траектории облегчило и то, что регулирование монетарных вопросов уже находилось в компетенциях ЕС.

Суверенитет в области здравоохранения

Понятия «суверенитет в области здравоохранения» не существовало до 2020 г. Однако пандемия ковида стала «драматичным»¹⁷ потрясением для ЕС, которое вызвало сильнейшее смятение. Во-первых, заболевание стало «беспрецедентным вызовом»¹⁸ для населения, вынудив его, как выразился Европарламент, «заплатить трагическую цену жизнями людей в Европе и мире»¹⁹. Во-вторых, пандемия повлекла масштабный экономический кризис; «ни одна жизнь, ни одно рабочее место, ни один бизнес не остался не затронутым», а «неопределенность остается экстраординарно высокой»²⁰.

В-третьих, был нанесен удар по европейской солидарности. Стремление стран-членов ограничить распространение вируса привело к восстановлению внутренних границ ЕС, а желание обеспечить масками и медикаментами прежде всего своих граждан – к ограничению поставок в другие его государства-члены. «Фрагментация делает нас более уязвимыми», – отметила еврокомиссар по вопросам здравоохранения и безопасности пищевых продуктов С. Кириакидес²¹. В сложившейся ситуации для ЕС было важно «сохранить европейские ценности и образ жизни»²². Таким образом, под угрозой оказался сам проект европейской интеграции – от базовых аспектов свободы передвижения товаров и людей до нормативных основ.

Наконец, Евросоюз осознал «зависимость от третьих стран в импорте лекарств». Она существовала и ранее, однако ее резко усугубил пандемийный кризис²³. «Все в глобальной экономике разделится на “до” и “после” коронавируса, – подчеркнул французский министр экономики Б. Ле Мэр, – мы должны сократить нашу зависимость от пары крупных держав... укрепить наш суверенитет в стратегических цепочках снабжения»²⁴.

Здесь также налицо обращенность в будущее: «необходимо гарантировать, что если будет следующая пандемия, мы сможем с ней справиться»²⁵, – отмечает комиссар Кириакидес.

¹⁶ Borrell, J. European Diplomatic Academy: Opening remarks by High Representative Josep Borrell at the inauguration of the pilot programme. The Diplomatic Service of the European Union. 13.10.2022. (https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration_en).

¹⁷ Germany-Portugal-Slovenia TRIO Programme. Final Draft. 20.05.2020. (<https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2020/05/Trio-presidency-program-Final-Draft.pdf>).

¹⁸ Joint statement of the Members of the European Council. Brussels, 26 March 2020. (<https://www.consilium.europa.eu/media/43076/26-vc-euco-statement-en.pdf>).

¹⁹ Resolution *On EU coordinated action to combat the COVID-19 pandemic and its consequences. European Parliament. 17.04.2020. No 2020/2616(RSP). (https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0054_EN.html).

²⁰ European Union – French-German initiative for the European recovery from the coronavirus crisis. Paris, 18.05.2020. France Diplomacy. (<https://www.diplomatie.gouv.fr/en/coming-to-france/coming-to-france-your-covid-19-questions-answered/coronavirus-statements/article/european-union-french-german-initiative-for-the-european-recovery-from-the>).

²¹ Covid-19 exposes EU's reliance on drug imports. Financial Times. 20.04.2020. (<https://www.ft.com/content/c30eb13a-f49e-4d42-b2a8-1c6f70bb4d55>).

²² Joint statement of the Members of the European Council. Brussels. 26 March 2020. Op.cit.

²³ Quaglio G. EU public health policy. European Parliamentary Research Service. July 2020. No PE 652.027.

²⁴ Cerulus L. Coronavirus forces Europe to confront China dependency. Politico. 06.03.2020. (<https://www.politico.eu/article/coronavirus-emboldens-europes-supply-chain-security-hawks/>).

²⁵ Fortuna, G. Franco-German couple sets eyes on EU health sovereignty. Euractiv. 19.05.2020. (<https://www.euractiv.com/section/health-consumers/news/franco-german-couple-sets-eyes-on-eu-health-sovereignty/>).

Вирус COVID-19 «останется... и мы должны готовиться к разным сценариям... надо переориентироваться от борьбы с пожаром к архитектуре союза в области здравоохранения»²⁶, – считает заместитель председателя Европейской комиссии М. Схинас.

Источники угроз для здравоохранения были множественными и неопределенными, однако они требовали долгосрочных мер. Некоторые проблемы – например, распространение заболевания, – частично решали мерами эпидемиологического контроля. «Наш план готовности к биозащите позволяет работать с параллельными и последующими сериями пандемии», – заявил в 2021 г. М. Схинас²⁷. Другие аспекты, которые касаются сотрудничества стран-членов, нужно отладить. Отдельные страны ЕС – в первую очередь Франция и Германия – считали, что требуется именно европейский суверенитет в области здравоохранения²⁸. Однако в нормативных актах ЕС цель определили как «построение союза в области здравоохранения»²⁹.

В сфере здравоохранения понятие суверенитета стали употреблять, чтобы обозначать меры, имеющие внешнее для ЕС измерение. Согласно заявлению Франции и Германии, меры его поддержки включают «сокращение зависимости ЕС», в т. ч. «разработку вакцин и протоколов лечения», «создание общих стратегических запасов лекарств и медицинских продуктов», «поощрение развития производственных мощностей для этих продуктов в ЕС»³⁰. Представитель Еврокомиссии определил «суверенитет в области здравоохранения» как «автономность локальных производственных мощностей, которые могут производить лекарства, вакцины и другие продукты для медицины»³¹. Наконец, депутаты Европарламента отметили необходимость «вернуть наш суверенитет в области здравоохранения таким образом, чтобы лекарства и медицинское оборудование производились в Европе»³².

Таким образом, обеспечение «суверенитета в области здравоохранения» становится ключевым фактором работы с тревогой, вызванной пандемией. Здесь суверенитет охватывает и внутренние направления работы (где ЕС может контролировать процессы) и внешние направления (неподконтрольные, подчас враждебные), а также создание автономии в поставках лекарственных средств и санитарно-гигиенических товаров. Во время пандемии разрозненные и зачастую эгоистичные действия стран-членов напомнили об угрозе национального суверенитета для интеграции. В результате ЕС идентифицировался с этой угрозой и принял меры, чтобы снизить коллективную тревогу, сформулировав понятие суверенитет в области здравоохранения на наднациональном уровне. Оно вошло в практику и его широко использовали как страны-члены, так и институты ЕС. Примечательно, что здравоохранение представляет собой сферу смешанных полномочий. Данная особенность демонстрирует, что дискурс о суверенитете играет важную роль в работе с тревогой, и понятие «суверенитет» может успешно интегрироваться в дискурс ЕС вне зависимости от того, насколько коммунитаризирована та или иная сфера.

²⁶ COVID-19: Commission calls on Member States to step up preparedness for the next pandemic phase. European Commission. Brussels, 27.04.2022. (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_2646).

²⁷ Foote N. Commission takes action to preempt new COVID strains, fast track variant vaccines. Euractiv. 18.02.2021. (<https://www.euractiv.com/section/coronavirus/news/commission-takes-action-to-preempt-new-covid-strains-fast-track-variant-vaccines/>).

²⁸ European Union – French-German initiative for the European recovery from the coronavirus crisis. Op.cit.

²⁹ Amand-Eeckhout L. Building up resilience to cross-border health threats. Moving towards a European health union. European Parliamentary Research Service. February 2023. No PE 690.565.

³⁰ European Union – French-German initiative for the European recovery from the coronavirus crisis. Op.cit.

³¹ Fortuna G. Health Brief: Good ol' health sovereignty. Euractiv. 7.12.2022. (<https://www.euractiv.com/section/health-consumers/news/health-brief-good-ol-health-sovereignty/>).

³² Colin-Oesterlé N. Let's imagine the Europe of tomorrow! Euractiv. 8.12.2021. (<https://www.euractiv.com/section/future-eu/opinion/lets-imagine-the-europe-of-tomorrow/>).

Продовольственный суверенитет

Термин «продовольственный суверенитет» появился в начале XXI в. Движение фермеров *Via Campesina*, основанное в 1993 г. фермерами разных стран мира, определяет «продовольственный суверенитет» как «право народов, государств и их союзов определять свою аграрную и продовольственную политику без демпинга со стороны третьих стран»³³. Во время пандемии 2020 г. акцент в продовольственном суверенитете в ЕС стал смещаться в сторону самообеспечения как гарантии безопасности.

После 24 февраля 2022 г. смятение ЕС относительно этой сферы усилилось. Во-первых, Европейский совет отметил, что «драматичное падение украинского экспорта» означает обострение проблемы продовольственной безопасности для «миллионов людей во всем мире»³⁴. По его мнению, особо «неопределенность поразила рынки пшеницы, зерновых и пищевых масел»³⁵. Во-вторых, Европейский совет подчеркивал рост цен на продовольствие: «в реальном выражении» они «никогда не были столь высоки», а инфляция может «спирально вырваться из-под контроля»³⁶. Была высказана обеспокоенность, что продовольствие станет менее доступным для малоимущих – в т. ч. в Евросоюзе. Звучали увеличивающиеся смятение предупреждения о том, что такое развитие событий может привести к «социальным волнениям и конфликту» по аналогии с началом «Арабской весны»³⁷.

Тревога ЕС ориентирована и на настоящее, и на будущее. «Перспективы остаются сложными»³⁸, и ничто не дает надежду на быстрое разрешение ситуации. ООН, в свою очередь, предостерегает о «продовольственной катастрофе глобального масштаба в 2023 г.»³⁹.

Основной источник тревоги ЕС в данном случае более очевиден по сравнению с предыдущими кейсами. В продовольственном кризисе обвиняют Россию в связи с боевыми действиями на Украине и ограничениями на перевозки украинского продовольствия по Черному морю. Однако существуют и дополнительные обстоятельства. Речь идет о реакции других стран на ситуацию в продовольственной сфере, которые «ввели односторонние ограничения на свой аграрный экспорт» и «пытаются создать запасы, обостряя проблему на мировых рынках»⁴⁰. Кроме того, «рост цен на энергоносители и проблемы с поставками удобрений повысили цены на удобрения» в мире⁴¹, что также ведет к удорожанию продуктов питания. Наконец, кризис усугубляется из-за Зеленого курса ЕС, в рамках которого ограничивается использование пахотных площадей и удобрений. Одновременно затяжной кризис на Украине и инфляция свидетельствуют о том, что проблемы на глобальном рынке продовольствия имеют долгосрочный характер.

³³ Food Sovereignty – Explained. *Via Campesina*. 15.01.2003. (<https://viacampesina.org/en/food-sovereignty/>).

³⁴ Infographic – How the Russian invasion of Ukraine has further aggravated the global food crisis. European Council. (<https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/how-the-russian-invasion-of-ukraine-has-further-aggravated-the-global-food-crisis/>).

³⁵ Foote, N. Keep calm and carry on trading: Von der Leyen urges solidarity to fix food crisis. Euractiv. 08.06.2022. (<https://www.euractiv.com/section/agriculture-food/news/keep-calm-and-carry-on-trading-von-der-leyen-urges-solidarity-to-fix-food-crisis/>).

³⁶ Ibid.

³⁷ Wanat Z., Aaruo S.A. Ukraine: The food factor. Politico. 06.02.2022. (<https://www.politico.eu/article/ukraine-the-food-factor-energy-trade-war-agriculture-market/>).

³⁸ European Council. Infographic... Op.cit.

³⁹ Borrell J. The battle of narratives around the food crisis. The Diplomatic Service of the European Union. 18.06.2022. (https://www.ecas.europa.eu/ecas/battle-narratives-around-food-crisis%C2%A0_en).

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.

Однако попытка установить суверенитет в продовольственной сфере спровоцировала острые споры на наднациональном уровне. Главным сторонником данного курса была Франция, которая председательствовала в Совете ЕС в начале 2022 г. Ее министр сельского хозяйства Ж. Дермондь указал на необходимость «продовольственного суверенитета» – ситуации, когда «Европа может... закрыть потребности Европы и мира»⁴². В то же время сторонники экологичного развития (депутаты Европарламента, некоторые страны-члены, экологические организации) сочли, что продовольственный суверенитет приведет к отказу ЕС от «зеленых» обязательств в аграрной сфере, и воспротивились этому курсу.

В Версальской декларации 2022 г. Франция попыталась вернуться к идее продовольственного суверенитета как обеспечения самодостаточности ЕС в этой сфере: в документе было предложено «повысить продовольственную безопасность через сокращение зависимости от импорта»⁴³. Европейская служба внешних связей истолковала данный призыв как ограничение «стратегической зависимости» и вклад в европейский суверенитет⁴⁴. Еврокомиссия вначале согласилась обсудить пересмотр «зеленых» ограничений в аграрной сфере, но затем стала отрицать наличие «рисков продовольственной безопасности в Европе»⁴⁵. В результате тревога относительно собственного обеспечения продовольствием в ЕС снизилась, и идея продовольственного суверенитета пока отставлена.

Таким образом дискурс о продовольственном суверенитете не получил развития – несмотря на то, что ряд стран-членов ЕС, а также некоторые парламентарии и фермеры использовали этот термин, чтобы предложить свои варианты работы с тревогой в этой сфере. Можно выделить четыре причины подобного развития событий. Первая – критическое количество игроков в ЕС (в особенности наднациональных) не разделило дискурс о «продуктовом суверенитете» и соответствующий комплекс действий для работы с коллективной тревогой. Вторая – острота тревоги была снята заключением, что ЕС не угрожает продовольственный кризис. Третья – источник угроз был более конкретным, чем в предыдущих случаях. Наконец, обеспечение продовольственного суверенитета вступало в противоречие с задачей повысить экологические стандарты производства – базовым направлением для ЕС сегодня. В результате в данной сфере не произошло «идентификации с агрессором», с суверенитетом как угрозой наднациональному развитию. Примечательно, что аграрная политика представляет собой одно из наиболее коммуитаризированных направлений деятельности в ЕС. Сложившаяся ситуация еще раз доказывает, что инкорпорация «секторального» суверенитета в дискурс ЕС не коррелирует напрямую с разделением компетенций между национальным и наднациональным уровнями.

Заключение

В последние годы «секторальные» суверенитеты все чаще входят в дискурс Евросоюза. Результаты исследования свидетельствуют, что дискурс ЕС о «секторальных» суверенитетах можно концептуализировать как работу ЕС с коллективной тревогой. Один из

⁴² Fortuna G. EU to look again at Green deal goals in farming to ensure food security. Euractiv. 03.03.2022. (<https://www.euractiv.com/section/agriculture-food/news/eu-to-look-again-at-green-deal-goals-in-farming-to-ensure-food-security/>).

⁴³ Informal meeting of the Heads of State or Government. Versailles Declaration. 10 and 11 March 2022. (<https://www.consilium.europa.eu/media/54773/20220311-versailles-declaration-en.pdf>).

⁴⁴ Versailles declaration: strengthening European sovereignty and reducing strategic dependencies. Delegation of the European Union to the Russian Federation. 15.03.2022. (https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/versailles-declaration-strengthening-european-sovereignty-and-reducing-strategic_en).

⁴⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Safeguarding food security and reinforcing the resilience of food systems. Brussels, 23.3.2022. COM(2022) 133 final.

способов адаптации к тревоге – это «идентификация с агрессором». В данном случае на уровне коллективных эмоций им выступает суверенитет. Раньше он был опасным Другим, угрозой для интеграции; теперь этот фактор подвергают переосмыслению и адаптируют на наднациональном уровне. Дискурс о суверенитете в этой ситуации предполагает проведение в ЕС определенного комплекса действий, цель которого – жестче прочертить границы – разделить пространство на внутреннее (свое, контролируемое) и внешнее (враждебное), а также повысить автономию от влияния извне.

Данная тенденция была проиллюстрирована примерами из разных сфер, на которые повлияли не связанные между собой вызовы. Перечисленные случаи различались по сферам разделения полномочий между ЕС и странами-членами. В первых двух кейсах угроза была воспринята как непосредственно направленная на ЕС, в третьем она скорее глобальна. В первых двух случаях наднациональный «секторальный» суверенитет активно используют как средство работы с коллективной тревогой, в третьем же данного пути придерживается небольшое количество игроков в ЕС. В первых двух кейсах работа с тревогой доминирует, тогда как в третьем ей противостоят «зеленые» приоритеты ЕС. Во всех трех примерах дискурс о «секторальном» суверенитете, используемый для преодоления тревоги, нацелен на будущее и имеет долгосрочный характер. Источники угроз менее определены (для Евросоюза) в первых двух случаях, в третьем же он кажется Брюсселю вполне очевидным.

Как показали приведенные кейсы, «результативность» применения суверенитета для работы с тревогой связана с наличием всех ее четырех элементов и ее приоритетностью по сравнению с другими повестками. Кроме того, имеет значение восприятие этих элементов большинством игроков ЕС. Более того, обозначенные факторы обуславливают друг друга. Неполная артикуляция всех элементов тревоги, с одной стороны, свидетельствует о том, что в ЕС отсутствует консенсус при оценке вызова и определении реакции на него. С другой стороны, неполная артикуляция затрудняет дальнейшее осуществление мер «суверенности», потому что публичные образцы чувствования и эмоциональные культуры изначально разнятся. При полной же артикуляции элементов, наоборот, наблюдается относительное согласие игроков: формируется четкая линия «угроза – эмоциональная культура – реакция через суверенитет».

Ссылки на геополитические риски подчеркивают враждебность внешнего мира, его неподконтрольность. Суверенитет же представляет собой стремление поставить ситуацию внутри под контроль либо через систему регулирования (в монетарной сфере), либо за счет совершенствования внутреннего рынка и сотрудничества стран-членов (в здравоохранении), либо обеспечивая производство всего необходимого на собственной территории (цифрового евро, производства лекарств и вакцин). В результате Евросоюз отходит от своего предыдущего подхода к видению мира, глобализации и развития, самоидентифицируясь с тем, что ранее на национальном уровне воспринимали как «агрессора», угрозу наднациональному развитию, – с суверенитетом.

Тем не менее тревога не исчезает полностью вследствие включения понятия «суверенитет» в дискурс ЕС и соответствующего комплекса действий. Скорее, тревога и развитие «секторального» суверенитета как работа с ней теперь сосуществуют в дискурсе и практиках ЕС. В дальнейшем на первый план будут выходить то тревога, то суверенитет, которые функционируют в устойчивых диалектических отношениях. В данной статье продемонстрировано, как эта пара формируется, однако ее эволюция составляет предмет дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Зорин А. (2016) Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII–начала XIX века. М: Новое Литературное Обозрение. 568 с.
- Zorin A. (2016) *Pojavlenie geroja: iz istorii russkoj emocional'noj kul'tury konca XVIII–nachala XIX veka* [The Emergence of Hero: from the Russian Emotional History of the End of 18th – Beginning of the 19th Century]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 568 p. (in Russ.)
- Плампер Я. (2018) История эмоций. М.: Новое литературное обозрение. 561 с.
- Plamper J. (2018) *Istorija emocij* [The History of Emotions]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 561 p. (in Russ.)
- Романова Т.А. (2021) Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия // Современная Европа. № 5. С. 32–44.
- Romanova T.A. (2021) Diskurs o suverenitete Evropejskogo sojuza: sodержanie i posledstvija [The EU's Discourse on Sovereignty: Content and Consequences]. *Sovremennaya Evropa*. no. 5, pp. 32–44. (in Russ.)
- Фрейд А. (1993) Психология «Я» и защитные механизмы. М.: Педагогика. 144 с.
- Freud A. (1993) *Psihologija «Ja» i zashhitnye mehanizmy* [The Ego and the Mechanisms of Defense]. Moscow: Pedagogika. 144 p. (in Russ.)
- Agnew J. (2018) *Globalization and Sovereignty. Beyond the Territorial Trap*. 2nd Ed. Lanham: Rowman & Littlefield. 279 p.
- Bartelson J. (1995) *A Genealogy of Sovereignty*. Cambridge: Cambridge University Press. 317 p.
- Bodin J. (1962) *Six Books on the Commonwealth*. Oxford: Basil Blackwell. 256 p.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press. 464 p.
- Crawford N.C. (2014) Institutionalizing Passion in World Politics: Fear and Empathy // *International Theory*. Vol. 6. No. 3. Pp. 535–557.
- Epstein S. (1972) The Nature of Anxiety with Emphasis upon its Relationship to Expectancy. In: *Anxiety: Current Trends in Theory and Research*. Vol. 2. Ed(s): C. D. Spielberger. New York: Academic Press. Pp. 291–337.
- Frankel J. (2002) Exploring Ferenczi's Concept of Identification with the Aggressor: Its Role in Trauma, Everyday Life, and the Therapeutic Relationship // *Psychoanalytic Dialogues*. Vol. 12. No. 1. Pp. 101–139.
- Geertz C. (1973) *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books. 470 p.
- Jacobsen K. (2013) Why Freud Matters: Psychoanalysis and International Relations Revisited // *International Relations*. Vol. 27. No. 4. Pp. 393–416.
- Koschut S. (2017) The Structure of Feeling – Emotion Culture and National Self-Sacrifice in World Politics // *Millennium*. Vol. 45. No. 2. Pp. 174–192.
- Kövecses Z. (2003) *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press. 223 p.
- Laclau E., Mouffe C. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso. 217 p.
- MacCormick N. (1999) *Questioning Sovereignty: Law, State, and Nation in the European Commonwealth*. Oxford: Oxford University Press. 210 p.
- MacLeod C., Rutherford E.M. (1992) Anxiety and the Selective Processing of Emotional Information: Mediating Roles of Awareness, Trait and State Variables, and Personal Relevance of Stimulus Materials // *Behaviour Research and Therapy*. Vol. 30. No. 5. Pp. 479–491.
- Nussbaum M.C. (2016) *Anger and Forgiveness: Resentment, Generosity, Justice*. Oxford: Oxford University Press. 315 p.
- Sylvers P., Lilienfeld S.O., LaPrairie J.L. (2011) Differences between Trait Fear and Trait Anxiety: Implications for Psychopathology // *Clinical Psychology Review*. Vol. 31. No. 1. Pp. 122–137.

Wæver O. (1996) European Security Identities // Journal of Common Market Studies. Vol. 34. No. 1. Pp. 103–132.

Walker N. (2003) Late Sovereignty in the European Union. In: Sovereignty in Transition. Ed(s): N. Walker. Oxford: Hart. Pp. 3–32.

Weber C. (1995) Simulating Sovereignty: Intervention, the State and Symbolic Exchange. Cambridge: Cambridge University Press. 298 p.

Wendt A. (2004) The State as Person in International Theory // Review of International Studies. Vol. 30. No. 2. Pp. 289–316.

Информация об авторах

Романова Татьяна Алексеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, под. 8. E-mail: t.romanova@spbu.ru

Коцур Глеб Владиславович, кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, под. 8. E-mail: glebk17@gmail.com

About the authors

Tatiana A. Romanova, Candidate in Political Science, Associate Professor, School of International Relations, Saint Petersburg State University. Address: 191060, Russian Federation, St. Petersburg, Smol'noy Str., 1/3, entrance 8. E-mail t.romanova@spbu.ru

Gleb V. Kotsur, Candidate in Political Science, Assistant, School of International Relations, Saint Petersburg State University. Address: 191060, Russian Federation, St. Petersburg, Smol'noy Str., 1/3, entrance 8. E-mail glebk17@gmail.com

Статья поступила в редакцию/ Received: 26.05.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 15.06.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 06.07.2023